

ИСТИНА В ЛЮБВИ

ЧИСТИЛИЩЕ
КНИГА 1

Сергей
Журавлёв

SUNRAY 2022

Ф

Оглавление

[Пролог](#)

[Возрождение](#)

[Замок Мендоса](#)

[Юная ведьма](#)

[Ради жизни](#)

[Сирота](#)

[Искушение Меринды](#)

[Покаяние Меринды](#)

[Бегство](#)

[Беглецы покидают город](#)

[Бегство раскрыто](#)

[Сестра Родриго](#)

[Прокурор у епископа](#)

[Алонсо нанимает убийцу](#)

[Резня у сухого ручья](#)

[Родриго узнает о замыслах Алонсо](#)

[Налет на хижину сестры Родриго](#)

[В это же время в замке Мендоса](#)

[Всем! Всем! Всем!](#)

[Что дальше?](#)

[История Меринды](#)

[Зерна любви](#)

[А в это время в покоях короля](#)

[Начальник тайной канцелярии](#)

[Маркиз навещает свою любимую](#)

[Меринда перевоплощается в пастушка](#)

[Разоблачение пастушка](#)
[Меринда в западне](#)
[И снова в путь](#)
[Меринда не выдержала](#)
[Весть для короля](#)
[Фернандо ждет Меринду](#)
[Прокурор и Алонсо готовятся к погоне](#)
[Спасительный десант](#)
[Сокол правды](#)
[Итог прокурора](#)
[Родриго вступает в бой](#)
[Маркиз успевает вовремя](#)
[Любовь дает ростки](#)
[Одна жизнь, одна любовь](#)
[Посвящение в рыцари](#)
[Адмирал Эстебан](#)
[Морской бой](#)
[Дурная весть](#)
[Маркиз расставляет сети](#)
[Маркиз в окружении девиц](#)
[Хавьер сдает маркизу пиратов](#)
[Заговор раскрыт](#)
[Маркиз мчит по следу адмирала](#)
[Власть меняется](#)
[Дознание ведет маркиз](#)
[Вода камень точит](#)
[Мудрое решение короля](#)
[Отец и дочь](#)

[Папка приехал](#)
[Из преисподней](#)
[Любовь и есть Бог](#)
[Эпилог](#)
[Краткое содержание 2 книги](#)

ИСТИНА В ЛЮБВИ!

© 2021 СЕРГЕЙ / правообладатель.

Все права сохранены.

Автор: Сергей Журавлев

sergiyazhuravlov@gmail.com

Пролог

Это повествование не что иное, как многократно повторяющаяся песнь о Любви. Любовь, как вы ее не прячьте, всегда видна невооруженным глазом.

Если сказать в общем: "Любовь - морковь". Но если подойти к этому состоянию влюбленной пары трепетно и с пониманием, то окажется - у каждой ЛЮБВИ своя история...

Познав любовь вдвоем,
не похоти лавину,
ты будешь жить во мне
я в тебе не сгину...

Многоплановый, остросюжетный, слегка поджаренный стейк с кровью,
не пресный, остро приправленный перчиком
вперемешку с вишневым сиропом набор слов о ее

Высочестве Любви. На десерт только изысканная эротика.

Возрождение

Мрачное средневековье кануло в лету. На смену ему пришла светлая эпоха возрождения. Благословенная Испания, ведомая Фердинандом Вторым и Изабеллой Кастильской, взлетела на вершину своего могущества. Политика хитроумного короля приносила богатые плоды. Отобрана вся страна у короля Португалии. Обманом отрезаны южные уделы от Франции. Экспедиции бороздят просторы океанов и морей в поисках новых земель. Но Фердинанду Второму великому королю Испании все мало. Его честолюбие, тщеславие и интриги не знают границ. Хозяин юга Европы и севера Африки он, Король Фердинанд, а точнее его руками и наставлениями Изабеллы, вывел из дремоты и сделал всемогущей "Manu interpida" карающую руку церкви, инквизицию. И теперь этот механизм исправно приносил в казну короля сперва треть, а теперь более двух третей от всего конфискованного. И отныне никто, будь то гранд, маркиз или принц, никто не мог чувствовать себя в безопасности. Ястребы инквизиции зорко высматривали свои жертвы, а заметив, с криками набрасывались и в когтях уносили в чертоги святой церкви.

"Manibus puris" чистая рука мудрого короля умело направляла потоки золота на борьбу с неверными. Изгнаны из Гренады ненавистные мавры. И церкви

всего королевства омылись слезами счастья. Славься, великий король Фердинанд! Славься, Испания, обитель истинной веры! Отступники, трепещите, за вами скоро придут!

Замок Мендоса

Задолго до рассвета, в славный город Мансарес-Эль-Реаль, что в пятидесяти километрах от Мадрида, ехал в тарантасе служитель церкви, главный инквизитор, отец Фернандо. Святая церковь, в лице самого епископа Франсиско де Сорио, послала своего преданного сына, дабы тот на месте разобрался в трепетных делах веры.

Замок Мендоса, выстроенный из белого камня, был виден издалека. Он стоял в окружении неприступных крепостных стен с многочисленными башнями, крытыми переходами и бесчисленными бойницами. Изюминкой оборонительной фортификации являлись главные ворота. Толстые пласты мореного дуба были закованы в железо и посажены на оси хитроумного механизма. Во время штурма бойцы, оборонявшие главные ворота, давали слабину и в нужный момент створки, приоткрывались, будто поддавались натиску атакующих и пропускали внутрь несколько сот солдат. Тут же включался мощный механизм, приводимый водяным колесом, и закрывал ворота, давя как скорлупу орехов людей, попавших в створки. Проникшие в крепость захватчики оказывались в узком проходе и закрытыми с обеих сторон главными и

вспомогательными воротами. Теперь нападавшие превращались в жертву, загнанную в каменный мешок. На головы бедолаг падали огромные камни, летели стрелы, лилось кипящее масло. Когда последний нападавший становился поверженным, вниз спускались обороняющиеся и сбрасывали трупы прямо с крепостной стены в ров перед крепостью, тем самым вселяя ужас в нападающих.

Рыцарь ордена Госпитальеров Фернандо де Гальера, был назначен на пост окружного инквизитора с подачи покойного главного инквизитора католической церкви Торквемады. Он был пунктуален и очень обязателен. Сегодня суд над еретиками, и он не мог опоздать. Его, главного инквизитора Толедского трибунала с нетерпением ждали в замке Мендоса. Его ждали посаженные в темницы ведьмы, еретики, колдуны, в общем, все, кто своими действиями, взглядами и даже мыслями не вписывался в каноны святой церкви. Многие из брошенных в подземелье, давно поняли свою ошибку и рады бы покинуть стены, но увы, из замка Мендоса убежать нельзя. Да и как можно было сбежать из крепости, построенной специально для защиты города блистательным графом Диего Уртадо де Мендосо, первым герцогом дель Инфантадо. Когда телегу с арестованным проглатывали ворота замка, крестьяне качали головами. А если к этим самым арестованным тянулась карающая рука Святой Церкви даже самые смелые и отчаянные вздрагивали,

опускались на колени и молили. Молили об одном, чтобы такая печальная участь чтобы прошла мимо. Ибо в мрачном подземелье крепости, с бесчисленными лабиринтами коридоров, в сотнях камер, где лопались жилы, а крики арестантов сотрясали каменные стены, инквизиторы хотели слышать от заключенных только правду и ничего, кроме правды. Здесь живые и здоровые через несколько часов начинали завидовать мертвым.

"Признаетесь ли вы в ереси и вероотступничестве?" - въедливый вопрос инквизитора набрасывался словно скользящая петля на шею арестанта.

"Нет, нет!" - внятно отвечал вопрошавшим испуганный заключенный, пока еще питающий надежду на оправдание.

И еле уловимый взгляд дознавателя давал понять палачу, что надо причинить боль арестанту. Ведь именно через боль церковь может достучаться до истины, упрятанной где-то под сердцем. Истошные крики, начинали проникать во все уголки подземелья, а когда крики постепенно стихали и переходили на предсмертный хрип, узнику давали передых.

"Признаетесь ли вы в ереси и вероотступничестве?" - вновь вопрос, бьющий дятлом в темечко, пробирался через уши во все тело.

"Нет, нет!" в полуобморочном сознании шептали растрескавшиеся губы, с запекшейся кровью.

"Нет?" возмущенно сдвигались брови суровых судей, и искренняя печаль повисала в их глазах, от того, что в лоно истинной веры не вернулось заблудшие сын или дочь.

И дымилась ересь под раскаленным железом, и извивалось тело в конвульсиях, и вопли рвали перепонки, и наблюдавшим было видно, как пленнику становилось лучше. Душа очищалась ценой оторванных кусков кожи, мяса, лопнувших сухожилий и сломанных костей. И о чудо! Еретик, переминаясь в собственных испражнениях, торопился сознаться во всем! Он тряс головой, позабыв обвинение. Синие губы и вываливающийся язык выдавали еле слышимое:

"Да, да, да" ...

И вспыхивал торжеством взгляд дознавателя, и громко скрипели перья монахов, выводя на бумаге слова признания, и лучезарная улыбка судей передавалась ученой публике, и все понимали: Свершилось! Еще одна жертва дьявола отмылась от скверны.

О, если бы серые стены и пол могли говорить. Они бы поведали про нескончаемые потоки крови, ежедневно струящейся во имя Святой Церкви. Здесь даже немые, захлебываясь мычащими фразами и торопились признаться в чем угодно, лишь бы целебный огонь поскорее принес избавление. Следующий день узник получал в награду за искреннее признание столб спасительного огня. И больше нет мучений. Редко кому, но все же бывало, что узнику везло, и его

отпускали скрюченным, изуродованным чудовищем, рваным мешком набитым ломаными костями. И полз мешок, щурясь на солнце, и волок ненужные ноги, подарившие собственным ушам глухой хруст костей, зажатых в испанском сапоге.

Но даже здесь, среди пыток и ужаса водилось особое, ни с чем несравнимое счастье, счастье обреченных. Хрупкое, как скорлупа ореха под тяжелым сапогом палачей, идущим по казематам. Заслышав шаги, узник забивался в угол камеры, его тело сжималось, пытаясь исчезнуть. Сердце билось так, что заглушало шаги. И чем ближе ступали сапоги, тем сильнее стучало сердце. От скрипа петель входной двери, большинство арестантов теряли сознание, и только окатив водой, его приводили в чувства.

Но! Если шаги затихали, пройдя мимо камеры, это и было счастьем. И миг превращался в годы. Даже, когда под лечебными пытками человек сходил с ума, становясь безумным существом, или отрешенным от мира растением, он все равно хотел счастья, не быть раздавленным в этот момент.

Юная ведьма

Солнце уже начало катиться под гору, а в душном, плохо освещенном помещении средневекового замка, стоящего посреди крепости, продолжали свою работу чистильщики церкви: монахи, судьи, прокуроры, ассессоры и инквизиторы.

Главный инквизитор Фернандо, мужчина, неопределенного возраста, но явно старше сорока, крепко скроенный с подтянутым животиком, отложил перо и, оторвавшись от свитков, устало прикрыл глаза и задумался:

"Доносы, дознания, приговоры, ведьмы, еретики, колдуны. Скоро пять лет, как я являюсь карающей рукой Господа. Хотя точнее обличающей. Это не я, а суд во главе с его преосвященством епископом выносит приговоры, а карает огонь. Толпа, алчущая крови! Толпа, впадающая в экстаз, при виде жертвы извивающейся в пламени. Да, что ни говори, а моя репутация безупречна, во всем королевстве до сего дня не сыскать более неподкупного дознавателя как я. Более двадцати лет и днем, и ночью в составе ордена Госпитальеров я оборонял дальние морские подступы христианства. А теперь почти полных пять лет, я, как и прежде, не смыкая глаз, на посту внутренних святынь нашей веры и империи. Хотя, это все дела праведные, но я человек и устал. Устали руки и глаза. Даже душа последнее время стала метаться, словно попавшая в огонь жертва".

В толстую дубовую дверь в кованых стальных раскосах шумно постучали. Звук тяжелым эхом завибрировал под сводами. Взглянув на своего помощника, инквизитора отца Алонсо, Фернандо понуро спросил:

"Ну что там еще?"

"Ведьма!" воскликнул Алонсо, склонившись в почтительном поклоне.

"Опять ведьма? Прямо какая-то эпидемия этим летом".

"Человек слаб перед искушением," сострил помощник и добавил, "на сегодня это последнее дело".

Помощник знал, что перед обедом надо подавать самые простые дела. Решение которых занимает не более нескольких минут.

"Введите ее! Да поживей!" распорядился главный инквизитор, желающий поскорее покинуть зал суда и поскорее отобедать.

Два черных, безликих балдахина вошли в раскрытую дверь, толкая впереди себя и удерживая за руки девушку. Испуганная, с растрепанными волосами, в рваном платье она дрожала. Вслед за ними вошли свидетели. Первой вошла сгорбленная старуха с бельмом на обоих глазах, опирающаяся на палку и поддерживаемая монахом. Сзади, шмыгая носом и рыская по сторонам узко посаженными глазами, вошла непонятной формы молодуха, толи на сносках, толи такая от природы. Фернандо втянул носом душный воздух, взял в руки переданную ему Алонсо бумагу и пробежал глазами донос. Все как обычно, два свидетеля, жертва, да трое спятивших юношей. Колдовство на лицо. Он поднял тяжелый взгляд.

"Говори дитя!" спокойно, по-свойски предложил инквизитор.

Девушка приподняла лицо. Тонкие, правильно очерченные, чуть подрагивающие губы, кроткий взгляд и влажные глаза, манящие своей небесной голубизной. Немного сдавленным голосом она произнесла:

"Что я должна вам рассказать?"

Повисла пауза, вдруг, словно кто-то стеганул кнутом инквизитора.

"Клянусь небом! Это скорее ангел!" промелькнуло в мозгу Фернандо. Он прищурил уставшие глаза и еще пристальнее всмотрелся. "Как мне знаком этот облик, дышащий чистотой и завораживающей гармонией. Она похожа на ангела из моих детских снов. Вся из себя обворожительна, от нее нельзя оторвать взгляд".

"Кхе, ке!" прокашлял помощник, давая понять главному, что пора продолжать допрос.

Еще раз, окинув заключенную с ног до головы, он переменившимся голосом спросил:

"Как тебя зовут дитя?"

"Меринда".

"Расскажи, что произошло с самого начала. Подробно расскажи всем здесь собравшимся. Говори дитя, не бойся!" мягко повторил главный инквизитор.

Не дав девушке произнести ни слова, цепко подавая слова, заговорил Алонсо:

"Свидетели видели. Она варила зелье. Один из юношей его выпил и бросился со скалы".

Старуха задрала невидящие глаза вверх, а деваха, стоявшая позади нее, еще пуще завертела глазами и

обе, как сговорившись, тут же закивали головами.

"Так было?" повысил голос Фернандо, и его лицо потемнело, словно наступили сумерки.

"Нет! Падре!" короткими фразами зазвенел голос под куполом. "Нет! Он клялся мне в любви, а я," девушка всхлипнула, "а я ему отказала, но согласилась его выслушать завтра. Если б я знала, что он решится на такое".

"А что за зелье ты варила?" уже более сдержанно произнес инквизитор.

"Это травы. Просто травы!" она улыбнулась и от ее улыбки лицо инквизитора посветлело. "Парень болел. Мы познакомились за день до этого. Я напоила его отваром от кашля. Такие травы продаются в любой аптеке. Потом он ушел".

"Вот! Слышите! Она призналась!" воскликнул инквизитор Алонсо, указывая перстом в свод купола. "Он сошел с ума! Все очевидно. Колдовство налицо. Так и запишите, обратился он к монахам".

"Подождите!" поднял руку вверх главный инквизитор раздраженно взглянул на помощника. "Ты, Алонсо, не напирай на девушку! У тебя всегда наперед очевидно любое решение!" далее обратился к подсудимой. "Продолжай Меринда".

"Он стал объясняться мне в любви и добиваться меня. Но, но, я простая девушка, а он граф!" она опустила глаза.

"А что другие? Говори смелее, не стесняйся".

"Другие?" она подняла лицо и посмотрела на судей. "Другие, они спорили с ним и смеялись. Но я не знаю, над чем они смеялись," Меринда вновь опустила взгляд, потеряв нить.

"Эти другие!" с издевкой и кривой ухмылкой на лице, стал пояснять Алонсо. "Эти другие, ранее верные сыны церкви, дети знатных родителей, сейчас не могут ничего вразумительного произнести!" и он ткнул пальцем на ведьму. "Околдовала всех и одного убила! А ведь родственники опечалены горем и справедливо зывают к нам. Смею напомнить, что погибший королевских кровей, племянник самого адмирала Эстебана. Бедняга лишь раз взглянул на нее и лишился разума!"

После этих слов Фернандо стало неуютно. Нотариус достал шелковый, с яркой монограммой платок и стал тщательно утирать лицо и лоб. Ассесоры, оторвав от бумаги перья, переглянулись. Парочка монахов с нескрываемым интересом уставились на Меринду. Та была ослепительно красива. Полуоткрытые зовущие к поцелую губы, бездонные, как само море глаза, милое личико, излучающее доброту.

Фернандо стал свидетелем необычайной картины: Из приоткрытого рта Алонсо текла слюна и каплями, срываясь с подбородка, капала на его начищенные сапоги. Руки нотариуса выпустили платок, и он размашисто, из стороны в сторону, заскользил по

воздуху, пока не коснулся пола. Судья встал и подался вперед, его парик сполз, оголив лысую голову.

"У Меринды, очевидно, есть Божественное начало, которое вселяет в человеческие души ангелов!" заявило сознание Фернандо. "Будь я моложе, сам бы с готовностью выполнил любую ее прихоть, или прыгнул со скалы, получив ее отвержение".

Монахи первые вышли из оцепенения и начали усердно креститься. Судья закашлялся и стал поправлять парик.

"Меринда, тебе лучше все рассказать и уповать на милосердие Господа".

Фернандо произнес обычную для таких случаев фразу, как вдруг, почувствовал, что не желает ее гибели. А ведь еще вчера, отправляя на костер человека, он сожалел лишь о сожженных дровах. Сейчас, где-то там, в глубине души очерстневшей за годы дознаний и казней, он явно почувствовал опасность не за себя, у него появился страх за жизнь этой девчушки. Он живо представил костер, извивающееся в пламени тело и скорую гибель. От такого видения его тело передернуло, отчетливо кольнуло в сердце и дрожь пробежала по кончикам пальцев. Отправь ее на костер и случится нечто непоправимое.

"Давай, давай! Сознавайся и поживее!" Алонсо утирал слюни и, сверкая глазищами, предупредил. "А иначе тебя, еретик, посадят в кресло для ведьм, а потом

палач начнет щипцами отрывать куски плоти от твоих миленьких грудей!"

От этих слов девушку затрясло.

"Прекратить!" вскрикнул Фернандо, и как бы ставя щит между палачом и жертвой, сильно ударил ладонью по столу. "Уведите заключенную. Я должен очень тщательно разобраться в этом деле!"

Приказ инквизитора вовсе не ошарашил Алонсо, а наоборот приободрил и он с явным удивлением уставился на своего начальника. Стража, лязгая по камням коваными сапогами, увела девушку, а за ними вышли все остальные.

Все ради жизни

Оставшись наедине, Фернандо опустился в кресло и задумался. Перед его глазами как из тумана выплывали и опять терялись в нем, то образ девушки с глазами полными отчаяния и мольбы, то адмирал Эстебан, то епископ.

"Она обречена!" вопила действительность, и как бы соглашаясь с ней, беззвучно, только шевеля немymi губами, стал размышлять инквизитор:

"Адмирал Эстебан величина, выше его только король. Желание адмирала - это непробиваемый щит!" Фернандо качает вперед и назад седоватой головой, словно пробует на прочность невидимый щит. Бум! Бум! Бум! Эхом вторит в ушах биение сердца.

"Нет!" прохрипел еле слышно его голос. "Этого нельзя допустить!"

Образы девушки адмирала улетучились, а глаза, словно в них попал песок, заслезились. Если он попытается идти наперекор желаниям адмирала Эстебана, он точно обречен на увольнение со службы, и это в лучшем случае. А если он не предпримет действия для спасения пленницы, он станет противен сам себе. Его впервые за многие годы охватила волна жалости к себе.

Он осознанно задумался о своей жизни:

"Что у меня за жизнь? Тусклая, однообразная и убогая жизнь одинокого мужчины. Нет в моей жизни ни красоты, ни вдохновения. Сегодня спозаранку я мчал в этот замок и лишь отрешенная от мира сего парочка, стоящая на моем пути, заставила меня осадить коней. Их глаза горели, а лица источали счастливые улыбки. Двое, он и она любовались восходящим солнцем. А я даже не заметил, что наступило утро. Пожалуй, я и не припомню, с каких пор я нормально не сплю? Неделю, месяц? Когда последний раз просто так бродил по городу, слушал птиц? Всю мою жизнь, всего меня поглотили доносы, дознания, приговоры и эти лица," вновь чередой судей, монахов, сознаваемых, осужденных, приговоренных, пылающих на костре волчком завертелась перед его глазами ...

"А что, если я ошибался?" пискнула в его голове, только что родившаяся, неокрепшая мысль и калейдоскоп лиц на мгновение остановился.

"Нет, нет! Мне не в чем каяться!" противным голосом затараторило старое убеждение. "Все, что я делал, служило истинной вере, и Бог тому свидетель! Никогда, ни сан, ни даже тугие кошельки не меняли моего решения!"

"Но я ведь всего лишь человек и могу ошибаться!" воскликнула юная мысль.

"Нет!" безапелляционно отмахивалось прошлое сознание. "Я все делал правильно".

"Но тогда откуда этот прилипший ужас? Страх за нее?" задавало вопросы окрепшее сознание.

"Ты пропадешь!" загибаясь в конвульсиях, прошептало старое сознание.

Он встрепенулся, встал поправил одежду и решительно направился к выходу из зала. У двери, опершись о колонну, его поджидал помощник Алонсо.

"Она все равно сознается!" с надменной ухмылкой произнес он.

"В чем?" спросил Фернандо с видом детской наивности.

"Как в чем?!" от недоумения взвизгнул помощник. "Ей попросту некуда деваться, понимаете? Если это дело на контроле у самого епископа, некуда".

"Для меня это не меняет дела!" отрезал главный.

"Не будьте наивным, сам адмирал Эстебан дал поручение епископу. А он то, от своего не отступиться.

Да что мне вам говорить, вы и сами все знаете лучше меня".

"Где обвиняемая?" толком не планируя своих поступков, начал действовать главный инквизитор, "Отведите меня к ней, я хочу поговорить!" тоном, не терпящим возражения отчеканил Фернандо.

"Пройдемте за мной!" как бы нехотя соглашаясь, буркнул Алонсо, и развернувшись пошел в сторону подземелья.

Дымящий факел тусклыми отблесками выделил вход в камеру для легких допросов. Тяжелая дверь из высокогорного кедра, была обита железом. Алонсо услужливо стал открывать ее. Дверь, как бы нехотя, с низким скрипом подалась во внутрь. В ярком свете свежих факелов, Меринда, нагая и распятая как Иисус, стояла у стены. Ее руки и ноги были пристегнуты стальными накладками к стене. Палач, невысокого роста здоровяк, перебрасывал горящий факел из руки в руку прямо перед обнаженной девушкой. Девушка всем своим телом, всем своим сознанием хотела вдавить себя, а точнее просочиться сквозь каменную стену. Постепенно палач подавал себя вперед и приближал факел к телу заключенной, пока языки пламени не обожгли ее кожу. Меринда закричала и ее высокий, истошно-пронзительный звук резанул по ушам Фернандо. Он сжал зубы, сделал несколько быстрых шагов вперед и с силой оттолкнул мерзкого палача, с засохшими пятнами крови на одежде.

"Прекрати!" крикнул инквизитор. "До костра еще далеко! Тебя бы самого пожарить не помешало бы!"

"Что с тобой, отец Фернандо?" Алонсо осклабился, сверля ехидным взглядом начальника.

"Оставьте нас!" голосом, не терпящим возражений, приказал Фернандо. "Я лично проведу дознание и завтра вынесу решение!" в порыве чувств Фернандо не заметил резкую перемену в обращении Алонсо к нему.

"Эта ведьма особая? Она и на тебя напустила свои чары. Ладно, воля твоя. Но помни, епископ ждет!"

Алонсо вышел и увел за собой грязного палача. Девушка отпрянула от стены и повисла на оковах. Слезы заструились по ее перепуганному лицу. Она, быстро заговорила:

"Я не та, не ведьма! Я не околдовала, я не ведьма! Я не," и голос узницы сорвался на плач.

Горькая, одинокая слеза скатилась с века и побежала по морщинистой щеке Фернандо. Он уверенно подошел к стене и вынул шпильки из кандалов, не дающие раскрыться оковам. Как только руки и ноги освободились, она оттолкнулась спиной от камней и шагнула к нему. Его руки без команды обняли девчонку.

Тело словно пронзило ударом молнии. Фернандо просиял и тут же утонул в озере глаз девушки. Давно забытое чувство желания женщины, неудержимым желанием растеклось по каждой клеточке мужчины. Инквизитор не боясь, явно представил, что в эту минуту

сам готов ступить вместо нее в огонь. Они долго стояли обнявшись.

Где-то там, далеко, далеко, как во сне он услышал ее голос:

"Спасите меня! Я знаю, вы можете!"

Он ничего не ответил, а только закивал головой, и эта волна передалась ее телу. Она еще сильнее прижалась к нему.

"Вы меня не бросите?" ее детское личико, с сырыми от слез глазами, искало защиты и молящим взглядом устремилось в его глаза.

"Что же там на самом деле произошло у ее дома, чтобы в этом ребенке увидеть ведьму?" подумал он про себя, а вслух произнес. "Конечно, Меринда, конечно"

Сирота

Этой благоухающей разноцветьем, теплой майской ночью Фернандо долго не мог уснуть. Он лежал, положив руки под голову, и думал. Размышления о событиях сегодняшнего дня постепенно перешли на воспоминания, а они привели его в детство.

... Тогда на дворе стояла зима, был январь месяц. И пусть для равнинной Испании - это плюс пятнадцать на солнце, а вот в горах, на высоте более двух тысяч метров по ночам бывают крепкие морозы. Вот он, семилетний мальчишка, в изодранной одежде шел по горной тропе на перевал. Колючий ветер бросался на его скудную одежонку, задирал подол и лез под рубаху. Ему было печально и одиноко, он остался жить! Он то и дело

всхлипывал и растирал ручонками слезы по чумазому лицу. Полчаса назад старый монах сказал ему: "Господь милостив! Он сжалился над тобой Фернандо! Тебе повезло! Повезло больше чем твоим: бабке, отцу, матери, младшим братьям и сестрам. Им господь воздал за прегрешения, наслал чуму! А она, злобная старуха смерть, подкосила их и свела в могилу!"

Затем мужчины, пришедшие с монахом, обложили небогатый, но добротный дом хворостом и подожгли. На пожарище сгорели все умершие и все имущество, даже его теплую рубаху сожгли, оставив Фернандо стоять голышом у пылающего дома.

"Такой, Фернандо, указ епископа: Придать очищающему огню всех пораженных чумой!" произнес монах и потрепал мальчишку за волосы. "У тебя есть кто из родственников?"

"Да. Дядька. Брат отца. Он живет вон за теми горами," и Фернандо указал рукой на заснеженные вершины.

"Ты знаешь туда дорогу?"

"Знаю, осенью ходили к нему с отцом".

"Хорошо," произнес монах и подошел к повозке.

Там порылся среди вещей и протянул Фернандо затасканную рубаху, достигающую ему до пят, старую накидку с рукавами до колен и ветхие башмаки с дырявой подошвой.

Затем взял в руки свою котомку с едой и достал из нее козий сыр, хлеб и лук. Разделил все пополам, одну часть

завернул в тряпицу и положил на повозку, вторую сложил в мешок и протянул мальчишке.

"Да храни тебя Господь!" произнес монах и трижды перекрестил Фернандо

Он продолжал карабкаться все выше и выше, туда, где облака закрывают небо. Туда где дуют морозные ветра и идет снег даже летом. Сперва идти было легко, так как путь для него был знаком. Здесь он с братьями пас коз и овец, сестры собирали ягоды и травы, только было это в теплую погоду. Козья тропа запетляла среди колючего шиповника и можжевельниковых зарослей. Старая накидка, цепляясь за ветки, трещала, оставляя на кустах старые латки. Фернандо останавливался, брал лоскуток и прикладывал к накидке, как бы приделывая его на дырявое место. И чем дальше он шел, тем становилось все труднее. Жилистые коренья лапали за ноги и выдергивали солому, подложенную в дырявые башмаки. Как ни старался он подгибать пальцы ног, а они торчали на улицу. Совсем на башмаках подошва избилась. Прыгает мальчишка по камням, цепляется озябшими ручонками за выступы, поднимается все выше и выше. Сыро и холодно становиться под облаками. Вот и снежок пошел. Падает он на камни и тает. Размякла старая обувь и вовсе отодралась подошва. Ступает Фернандо голыми пятками по холодным камням, а те жадно впиваются в тело. Оторвал он подол у холщового рубища и обмотал тряпками ноги. Пошагал, попрыгал немного,

взбираясь на гору, а от тряпок остались только мочала. И снова отрывает он край подола.

А идти все трудней и снег больше не тает, ровно лежит. И кузнечными мехами ходят груди мальчонки и хочется ему выжить. Так раз за разом, а к вечеру у него рубаха выше колен получилась. Голодно и холодно ему в переходе. Зашел он за камень, от ветра упрятался. Снял котомку со спины, развязал узел, достал припасы. Положил ломоть сыра на хлеб, а слюна так и течет во рту. Пригляделся он, примерился с какого края начнет пиршество, да вспомнил, негоже христианину без молитвы кусок в рот класть. Отвернулся Фернандо от стола, встал на колени, взглянул на величие гор и начал возносить хвалу Господу за жизнь и за хлеб. И тут слышит он, камни зашумели, вроде как ступает кто-то, оборачивается Фернандо и видит, как бродячая собака ломоть сыра с хлебом схватила и прочь бежит. Кинулся он за ней, да куда там. Он двумя побитыми ногами по камням, а она на четырех здоровых, отбежала чуть повыше. Села на задние лапы, его обед во рту держит и смотрит на Фернандо. Мальчишка немного присмирел, стал подзывать собаку да идти потихоньку. Она, почуяв человеческое расположение, привстала на четыре лапы и завиляла хвостом. Фернандо осмелел и прибавил шаг. А пес положил еду у своих ног и в один прием проглотил сыр, а за вторым и хлеб.

Опечаленный Фернандо вернулся к столу, где только половина лука лежит. Жует ее он, а слезы из

глаз ручьем бегут. В мороз от лука прибудет совсем мало силы. Измучился малец переходом, извелся смертью семьи, без ужина остался. Как теперь ему быть. Взял он в руки горсть снега, положил в рот, закусывает горечь во рту и на душе. Ему очень тоскливо стало. Тут, как на зло ко всему, еще и ветер колючий в спину подул. Парню совсем холодно стало, сгорбился он. Жизнь вовсе стала не в радость, ни поест, ни согреться. Небо к земле давит, сел он за камень, обхватил себя руками, мерзнет, трясется всем телом, стучит зубами и не знает, как дожить ему до утра. Заплакал Фернандо навзрыд, а из его глотки не то стон, не то вой идет. Собака, перекусив, стала добрая. Подошла она к парню и мордой своей ему в ухо лизнула. Открыл мальчик глаза, сквозь слезы пса увидел. Плачет он, но нет у него злобы к воришке. Собака лижет лицо Фернандо, по-собачьи с ним разговаривает. Да и человечек хоть и плачет, но рад псине. Вот и стало на душе у мальчика немного легче, и он погладил спину хозяину перевала. Пес на радостях завилял всем телом и положил свои лапы на детские колени, а затем и грудь свою на них поместил. По ногам подростка тепло пошло от собаки. Почесал Фернандо у пса за ушами, а тот сперва взвизгнул, а затем по-доброму гавкнул, вроде как говоря:

"Я готов служить теперь тебе, парень!" и в подтверждение, что обрел хозяина, лизнул мальчугана в губы и нос. Задул сильнее ветер, закружил, посыпая

снегом. Стало совсем темно. Здесь на хребте, ни селений, ни пастухов. Идти в темноте очень опасно, босые ноги плохо ходят по снегу в сильный мороз. Очень легко оступиться и упасть на камни. Упал и ты калека. А до рассвета мороз сделает из человека мерзлую сосульку. Пес, словно понял мысли мальчика, соскочил с ног парня, тьякнул и пошел по тропе. Испугался мальчик, что останется один, встал и заковылял на непослушных ногах в сторону собаки. А пес отошел на несколько метров, остановился и снова залаял, как бы приглашая за собой. Осмелел Фернандо, обхватил себя руками, склонил под ветром голову и пошел за псом. А тот вскоре привел его к поваленному дереву и, весело гавкнув, нырнул в нору, а через несколько секунд высунул из нее голову и пригласил к себе в жилище. Полез Фернандо. Лаз сперва был узок, но затем стал шире, а внутри норы было довольно просторно. Фернандо улегся на какие-то шкурки, видимо, пес, охотясь за мелкими грызунами, запасся на зиму. Хозяин жилища лизнул Фернандо в щеку и улегся рядом. Приложив свою спину к ногам и животу парня.

Пес разбудил Фернандо. Вход в нору был завален выпавшим снегом. Они вместе вылезли наружу. Пес с лаем побежал в сторону перевала. А Фернандо, задрожал от свежего морозца, и побежал за ним. Собака громко залаяла и в этот момент из-за горба перевала показалась мужская голова в овчинной шапке.

Вслед за ней появились плечи в тулупе, посох, ноги в теплых штанах и высоких сапогах.

Увидев собаку и мальчика, мужчина остановился, а узнав в нем своего племянника воскликнул: "Фернандо, ты ли это?!"

Мальчик узнал голос дяди и радостно закричал в ответ:

"Да дядя Хосе, это я твой племянник!" и со всех своих побитых ног помчался к нему. И пес, радостно виляя хвостом побежал рядом.

У дяди долго текли слезы, пока слушал о трагедии случившейся в его роду и о том, что его племянник чудом остался жив и то, как он этой ночью не замерз на перевале. Сперва дядя Хосе снял с себя рубашку и надел ее на спину племянника, а рукавицы нацепил на побитые ступни. Затем накормил мальчика и пса. Парочка была так голодна, что съела большую часть еды, что дядя взял в поход. Когда племянник немного согрелся, дядя взвалил мальчишку на плечи и зашагал вниз по склону к себе домой. Дядя уверенно шагал по тропе ведущей в долину, собака радостно бежала впереди по старому следу. Хорошо стало у Фернандо на душе, утер он щеку о воротник дядиной рубашки, поднял лицо к небу, а по щеке капелька побежала, толи снежинка растаяла, толи слеза из глаза пошла ...

Заснул инквизитор только под утро, и снилась ему она.

... Меринда, приподымаясь на цыпочки и раскинув в стороны руки, кружилась по траве. Солнце поливало ручей золотом своих лучей, они отражались от волн и светлыми сполохами играли на танцующей девушке. Где-то на границе сознания, как прикосновение легкого перышка, он почувствовал реальность. Подойдя к ней поближе, стал восхищенно любоваться. Как мотылек создает крылышками ветерок, так и его взгляд касался ее рук, ее плеч, ее лица. Он ощущал запах ее тела, он был как цветущая медуница. Она, уловив его пристальное внимание, на мгновение остановилась, улыбнулась Фернандо и закружилась еще быстрее. Ромашка ее пшеничных волос коснулась его лица, он протянул к ней руки, а она выпорхнула из них и побежала к ручью. Тревожное чувство заставило быстрее биться мужское сердце!

"Стой!" прокричал он ей во след, но она уже шагнула в черный омут и стала медленно погружаться в него. Ее глаза округлились источая ужас. Он бросился к ней и, ухватившись за платье, потянул на себя. Ткань лопнула, как высушенные листья и Меринда ушла с головой в водоворот. Фернандо не задумываясь, кинулся вслед ...

Он проснулся, но продолжал лежать с закрытыми глазами, размышляя о видении: "Сны посещают нас с раннего детства, окружают своей таинственностью и зачастую уносят в иные миры. Иногда сны настолько реалистичны, что начинаешь сомневаться в дневной

действительности. Сновидения, никогда нельзя предугадать, или предотвратить. Сны никоим образом не вписываются в метафизические каноны, не подвластны ни измерениям, ни логическим объяснениям. Это фантазия души, в большинстве случаев навеянная избытком или недостатком эмоций. Своего рода игра воображения, что не вносит ясности в их предназначение. Этот сон я отчетливо запомнил. Интересно было бы, наложить события мне приснившиеся, на ту реальность, что ждет меня впереди".

Искушение Меринды

Солнце проснулось и, потягиваясь, золотило верхушки гор. А в темном подземелье, дверь в камеру ведьмы с грохотом отворилась, палач пропустил вперед Фернандо. Алонсо вошел следом. Тяжелая дверь закрылась и, над Мериндой, забившейся в угол камеры, навис, источая ужас, отец Алонсо.

"Жить хочешь?" спросил девушку, второй инквизитор, и Меринда застучала зубами.

Святоша еще ниже склонился над девушкой. Казалось, она, вот-вот и забьется в истерике. Застывшие лицо палача, как и Алонсо были беспристрастны и не преступны, словно щербатые стены камеры, окружающей Меринду. Алонсо оторвал взгляд от жертвы и обратился к Фернандо:

"Так что с обличением? Епископ ждет!"